

На пятнадцатый день первого месяца лунного года весенний воздух все еще был морозным, но солнечный свет робко согревал своими лучами. Для ярмарки фонарей было еще слишком рано, но магазины на улице Юнсин уже развесили свои вывески высоко над дверями. Под карнизами подвешивались фонари, а над перемычкой дверей устанавливались всевозможные держатели для декоративных фонарей. Хотя днем это выглядело не очень впечатляюще, но с наступлением темноты, когда улицы будут заполнены людьми, зажженные фонари разукрасят улицы своими огнями. Все это море огней* с фейерверками и флагами, развевающимися на ветру – о, это действительно должно стать великолепным зрелищем.

[Примечание: 火树银花 / huǒshùyínhuā. Огненные деревья и серебряные цветы (обр. в знач.: море огней; ослепительная иллюминация; яркие огни). Море огней; ослепительная иллюминация, фейерверки.]

Это было праздничное время для простого люда, но в то же время очень сложное и трудное для обороны города. Все в лагере тяжелой кавалерии были до потери сознания заняты подготовкой к Празднику фонарей. Хотя генералу Гу почти ничего не нужно было делать самому, ему все равно нужно было показать свое лицо и создать видимость хоть какой-то активности в такой день. В то утро Гу Фучжоу с трудом встал раньше обычного, и после утренней трапезы направился в военный лагерь. Линь Цинюю не нужно было сегодня идти во дворец, и он не планировал идти в Императорскую медицинскую канцелярию.

В полдень Хуа Лу подала Линь Цинюю его полуденную трапезу. Она протянула господину миску приготовленного ею молочного белого рыбного супа. Ее лицо светилось от предвкушения: «Молодой мастер, вы идете сегодня вечером на Праздник фонарей?»

Линь Цинюю всегда предпочитал тишину, а на Празднике фонарей всегда было слишком многолюдно и шумно. Хотя он вырос в столице, количество раз, когда он выходил на улицу во время Праздника фонарей, можно было пересчитать по пальцам одной руки. Став взрослым, он ни разу не ходил на этот праздник.

«Ты хочешь туда пойти?»

Хуа Лу взволнованно кивнула: «В последний раз я была на Празднике фонарей несколько лет назад. Я до сих пор помню, как там было много людей, а река Цзиньшуй была полна фонарями-лотосами. После этого меня отправили в резиденцию Наньань Хоу, чтобы служить молодому мастеру Хоу. После у меня так и не выдалось возможности снова пойти на праздник...» – Хуа Лу поняла, что сказала что-то не то, и быстро закрыла рот.

Линь Цинюю сделал глоток рыбного супа, заметив: «Тогда тебе следует хорошенько подумать о том, что ты наденешь сегодня вечером».

Глаза Хуа Лу сразу счастливо загорелись: «Вы возьмете меня с собой, молодой господин?»

«Угу, – Линь Цинюю посмотрел на обрадованную девушку. – Иди и приготовься».

Гу Фучжоу много расспрашивал об обычаях Праздника фонарей. Вероятно, он тоже хотел пойти на улицу Юнсин, чтобы присоединиться к веселью. Он знал, что Гу Фучжоу нравится выглядеть красивым, поэтому специально приказал слугам подготовить несколько комплектов недавно сшитой одежды, вернувшись генерал сам сможет выбрать понравившееся.

Гу Фучжоу вернулся в резиденцию лишь с наступлением сумерек. Когда Линь Цинюй узнал о его возвращении, то, зайдя в комнату, увидел генерала парализованным на кровати, похожим на высушенную и обезвоженную соленую рыбу, выброшенную на берег.

Линь Цинюй был слишком хорошо знаком с подобными сценами, мельком заметив: «Устал?»

Гу Фучжоу слабо пробормотал: «Во-воды...»

Линь Цинюй знал, что все это притворство, но все равно налил ему чашку чая и поднес к его рту. Гу Фучжоу выпил чай одним залпом и пожаловался супругу: «Ты можешь поверить себе, что сегодня я не просто делал вид, что работаю?»

«Ну, и почему тебе вдруг пришлось работать?»

«В обороне столицы полно дыр. Я не мог этого вынести и дал им небольшой совет. Люди из резиденции У восприняли это как сигнал приставать ко мне весь день, – Гу Фучжоу сожалел о своих честных порывах. – А ведь я мог бы вернуться, чтобы пообедать с тобой».

Линь Цинюй произнес, якобы тоже сожалея: «Гляжу на тебя и понимаю, кажется, у тебя совершенно не осталось сил идти на Праздник фонарей».

Гу Фучжоу очень интересовался Праздником фонарей в Даюй, но он знал, что Линь Цинюй не нравятся шумные и многолюдные места. Поэтому он ответил: «Да, снаружи так много людей, выходить на прогулку слишком утомительно. Я могу лечь, представляя себе, как выхожу и люблюсь праздничными фонарями в темноте на кровати».

«Хорошо, тогда ты можешь представлять их лежа дома. А я возьму Хуань Туна и Хуа Лу посмотреть на фонари».

«А? – Гу Фучжоу приподнялся на локте, переспрашивая. – Ты собираешься на улицу?»

Линь Цинюй ответил просто: «Я пообещал Хуа Лу, что возьму ее на праздник».

Гу Фучжоу медленно протянул: «О-о-о... Тогда я точно пойду с тобой».

Линь Цинюй изогнул бровь, напоминая: «Разве это не ты сильно устал?»

Гу Фучжоу тяжело вздохнул, признаваясь: «Ничего не поделаешь. Мой супруг хочет прогуляться по городу. Как бы я ни устал, я должен сопровождать его, выказывая только удовольствие».

Когда подошло время, они оба переоделись. Длинные волосы Линь Цинюя были увенчаны нефритовой короной. Сам он был одет в белое, накинув на плечи подбитый мехом плащ с капюшоном. Увидев подпоясанный все еще военный наряд Гу Фучжоу, он с любопытством поинтересовался: «Разве тебе не нравится носить красное?»

Когда Гу Фучжоу еще был Лу Ваньчэном, он предпочитал парчовые одежды красного цвета. Лу Ваньчэн обладал благородным темпераментом, и лучше всего ему подходил именно огненно-красный цвет. Это тело было намного более смуглым. И всякий раз, пока Гу Фучжоу не улыбался, его лицо выглядело суровым, а весь облик выражал свирепость.

Гу Фучжоу улыбнулся, ответив: «Лу Ваньчэн был молод и хорошо выглядел в красном. Красный – прекрасный, нежный цвет, а это тело намного старше. Самое главное, когда дело доходит до стиля, это выбрать одежду, которая подходит именно тебе, – После этих слов он с тоской вспомнил прошлое. – В своем первоначальном теле, я выглядел хорошо во всем, чтобы не надел».

Линь Цинюй презрительно фыркнул. Гу Фучжоу воспринял это как неверие сказанному им, он снова твердо заявил: «Это правда, даже в тряпье я все равно выглядел бы хорошо».

«Я видел тебя из прошлого, – в отместку за преувеличенное хвастовство Гу Фучжоу, Линь Цинюй намеренно заявил. – Могу сказать только одно, что твое первоначальное тело явно не в моем вкусе».

Гу Фучжоу было трудно обмануть, и он тут же уличил супруга во лжи: «О, а кто говорил мне, что я из сна красивее Лу Ваньчэна?»

Линь Цинюй легко ответил, несколько не смутившись: «Ты сам это и говорил».

Вместе с Хуань Туном и Хуа Лу они покинули резиденцию. Вечер только начинался, но рынок уже был полон людей. По улицам прогуливались как обычные люди, так и высокопоставленные лица, мужчины и женщины, старые и молодые. Было даже немало иностранцев. Небосвод полностью потемнел, теперь на улицах ярко зажглись все огни. Яркие фонари отбрасывали алые тени на лица прогуливающихся, экономя девушкам деньги на румянах.

Не торопясь, они прогуливались вдоль улиц. Со всех сторон раздавались крики торговцев. Хуань Тун и Хуа Лу были полны энтузиазма, и после часа прогулки их желудки уже были набиты всевозможными закусками.

Хуань Тун с удовольствием поедал очередное уличное лакомство, когда, внезапно указав на горизонт, он закричал: «Молодой господин, генерал, смотрите!»

Со стороны храма Чаншэн сотни и сотни небесных фонарей* медленно поднимались, освещая ночное небо. Хуа Лу взглянула вверх, огни в небе отражались в ее глазах: «Как это красиво...»

[Примечание: 孔明 / kǒngmíngdēng. Фонарь Чжугэ Ляна. Небесный фонарь. Бумажный фонарь без выходного отверстия, который с помощью нагретого в нём воздуха сам поднимается вверх. Согласно легенде, он был изобретен Чжугэ Ляном в период Троецарствия, поэтому его называют фонарем Чжугэ Ляна.]

Гу Фучжоу заметил: «Если смотреть отсюда, то не получится нормально полюбоваться на них. Цинъюй, где в столице самое лучшее место для любования луной?»

Линь Цинъюй немного подумал и выдал ответ: «Надвратная башня в императорском дворце».

В надвратную башню можно было попасть только изнутри дворца, поэтому Гу Фучжоу пришлось отказаться от этой задумки. В это время они были недалеко от дворца, и генерал был намного выше большинства людей на улице. Его глаза, пересекая море людей, обратили свое внимание на одинокого человека, стоящего на башне. Он стоял в парадном одеянии, расшитом драконами с четырьмя когтями, и ветер трепал наряд на его немощем теле.

[Примечание: 蟒袍 / mǎnpáo. Парадный халат, расшитый драконами. Императорский халат – его носят высокопоставленные чиновники. Но не император. Император был бы одет в мантию с драконами с пятью когтями.]

Это был Праздник фонарей с тысячами сверкающих огней. О чем же думал этот человек в такое время?

Гу Фучжоу отвел взгляд в сторону и внезапно почувствовал, как что-то врезалось в него с силой. Он посмотрел вниз и увидел, что это была маленькая девочка с корзиной цветов. У Гу Фучжоу было крепкое телосложение, и маленькая девочка отшатнулась, столкнувшись с ним. К счастью, Гу Фучжоу был очень быстр, он протянул руку и удержал ее от неминуемого падения.

Но ее корзина с цветами упала на землю, цветы были затоптаны проходящими мимо гуляющими. Губы маленькой девочки сложились в плотную линию, казалось, еще чуть-чуть и она расплачется. Линь Цинъюй жестом попросил Хуа Лу утешить несчастного ребенка, но Гу Фучжоу уже первым присел на корточки перед ней. Он улыбнулся и всего несколькими словами сумел утешить малышку. Когда девчушка рассмеялась сквозь невысохшие еще слезы, появилась и ее мать. Оказалось, что они пришли на праздник, чтобы продавать цветы.

Гу Фучжоу купил у матери с маленькой девочкой все цветы разом, обернулся и радостно сообщил: «Цинъюй, это все для тебя»

Прежде чем Линь Цинюй смог как-то отреагировать, ему в руки сунули большой букет цветов: «Почему ты даришь мне цветы?»

Цветы в полном цвету словно сверкающий кусок дорогой парчи. Они великолепны в своем многообразии, но лишь подчеркивают превосходящую их красоту.

Гу Фучжоу посмотрел на Линь Цинюя, в его глазах играли радостные огоньки: «„В Цзяннани нет ничего, кроме этой веточки весны, которую я дарю тебе*“. Эх, хорошо, что я запомнил много стихов, иначе я не смог бы поддерживать с тобой приличный разговор, развлекая тебя».

[Примечание: Это строка из стихотворения поэта Лу Кая. Цзяннань – это место на юге, а веточка весны – это ветка цветущей сливы, которую главный герой стихотворения дарит другу на севере, где все еще зима.]

Линь Цинюй опустил голову и вдохнул аромат цветов, тихо заметив: «Тебе не нужно декламировать специально стихи. Ты можешь говорить так, как привык. Я могу понять тебя даже на твоём родном диалекте».

«О, тогда я дарю тебе цветы, потому что...»

В это время появилась парадная платформа с фонарями, заполнившая собой в ширину почти всю улицу. На платформе грациозно танцевала красавица с закрывающей её лицо вуалью. Её одежда источала аромат, привлекая бесчисленных веселящихся зевак, останавливающих посмотреть это представление. В мгновение ока все четверо были сметены толпой. Линь Цинюй и Хуань Тун остались вместе, но они понятия не имели, куда унесло их компаньонов.

Линь Цинюй не волновался. Гу Фучжоу был высоким, и его легко было отыскать даже в такой толпе. И даже если они не смогут их найти, то могут просто вернуться в экипаж и подождать разлученных с ними там.

Таскать с собой этот большой букет цветов было крайне неудобно, поэтому Линь Цинюй вручил цветы Хуань Туну и попросил его отнести их в экипаж. Хуань Тун ушел, а он в одиночку стал пробираться сквозь толпу, наблюдая за гуляющими и любясь огнями.

Фонари были повсюду, сверкающие огни перемигивались между собой, словно ведя свою беседу. Сцена не изменилась, но теперь Линь Цинюй находил её скучной и неинтересной. Через некоторое время он перестал обращать внимание на фонари, занявшись просто поиском знакомых лиц. Однако вокруг было слишком много гуляк, они беспорядочно сновали мимо него туда-сюда. Все эти светлые лица мельтешили перед его глазами, но ни один из них не был тем человеком, которого он желал отыскать.

Линь Цинюй начал уже терять терпение. Подумывая уже о том, что может стоит вернуться в экипаж и подождать там, как вдруг услышал, как кто-то окликает его по имени.

«Цинюй».

Линь Цинюй обернулся в сторону голоса и увидел Гу Фучжоу на берегу реки Цзиньшуй. Он смотрел на него, освещенный множеством огней, проплывающих мимо фонарей.

В его ярких глаза отражались тысячи эмоций.

Этот человек... любил его.

...Он нравился Гу Фучжоу.

В груди Линь Цинюя разгоралось сильное пламя, и его сердце бешено застучало словно барабан. Он никогда не наблюдал у себя учащенного сердцебиения*, так почему же из-за одного единственного человека его сердце бьется так быстро?

[Примечание: 心悸 / xīnjì. Тут имеется в виду мед. термин - тахикардия, учащенное сердцебиение, сильное сердцебиение.]

Сам того не осознавая, он быстро шагнул через толпу. Как раз в тот момент, когда он собирался добраться до этого человека, его кто-то толкнул сзади, он пошатнулся...

... и упал в объятия Гу Фучжоу.

Гу Фучжоу осторожно поддержал его за талию, со смехом спросив: «Лекарь Линь, куда вы так торопитесь?»

Линь Цинюй на мгновение ошеломленно замер. Он что, бежал сюда? Он даже не понял этого, пока ему на это не указали.

Его губы неудержимо изогнулись в очаровательной улыбке, отвечая: «Я шел к тебе. Конечно же, мне пришлось бежать».

Гу Фучжоу был удивлен такой откровенностью. Больше не колеблясь, он крепко обнял человека в своих объятиях.

В это время неподалеку раздался голос Хуа Лу: «Генерал, вы нашли молодого господина?»

«Я нашел его, - Гу Фучжоу отпустил Линь Цинюя и сказал уже обычным тоном. - Где Хуань Тун?»

Линь Цинюй объяснил: «Я попросил его вернуться в экипаж».

Гу Фучжоу попросил Хуа Лу тоже вернуться к Хуань Туну, чтобы тот не беспокоился в ожидании запропастившихся хозяев. Как только девушка ушла, остались только они вдвоем.

Некоторое время они продолжали пристально смотреть друг на друга, выглядя немного смущенными. В конце концов, первым заговорил Гу Фучжоу, предлагая: «Цинюй, хочешь прогуляться вдоль реки?»

Линь Цинюй согласно кивнул: «Хорошо».

Яркая луна висела высоко над головой. Бесчисленные лодочки плыли по реке. Фонарики-лотосы украшали яркими огнями водную гладь, словно Млечный путь. Гу Фучжоу обычно много говорил, но сейчас он был необычайно тих. Линь Цинюй шел рядом, тоже не зная, что сказать.

Когда они обычно выходили на вечерние прогулки, их разговоры текли естественно, плавно переходя с темы на тему, но сегодня они чувствовали себя почему-то неловко.

По прошествии неизвестно сколько времени Гу Фучжоу смущенно кашлянул и снова заговорил: «Сегодня ночью взошла яркая луна и освещает твою красоту*...»

Как только он открыл рот, Линь Цинюй остановился.

«Твоя стройная и грациозная фигура, трогаящая мое беспокойное сердце... - Гу Фучжоу замолк, и его лицо сморщилось в замешательстве. - Э-э, что там было дальше?»

Черт, он забыл слова.

Фонари освещали небо, как днем. Они слышали текущую по воздуху тихую мелодию флейты. На них нахлынула толпа, окружив их со всех сторон, переговариваясь и смеясь, проносясь мимо них. Линь Цинюй спокойно смотрел на него, никого вокруг не замечая. Его длинные ресницы не могли скрыть сверкающие озера его глаз. Окружающие их пейзажи, казалось, исчезли, словно все это было лишь иллюзией.

Гу Фучжоу долго смотрел на Линь Цинюя. Опустив глаза, он усмехнулся, словно смеясь над самим собой. Но это подсмеивание помогло ему унять излишнюю нервозность: «Прости, Цинюй. Книгу Песен слишком трудно запомнить. В то время я запомнил лишь некоторые из стихов, а сейчас многие из них уже забыл. Могу ли я изменить строки стихотворения? Хм-м-м... В горах есть деревья, а у деревьев есть ветви...»

«Ты мне тоже нравишься, - для признания Линь Цинюй использовал слова родины Гу Фучжоу. Решившись начать первым сегодня. - Ты хотел бы встречаться со мной?»

Переводчику есть что сказать:

ессо: О! Предложение встречаться и признание в любви! Фонари, звуки флейты, бездонные глаза и отражение звезд в них... Что за романтик!

Отчего-то мне вспомнилось свидание Эрика и Ариэль. Ша-ла-ла-ла, поцелуй девушку!

* [] ([][] [])

Вышла на небо луна

Вышла на небо луна и ярка, и светла...

Эта красавица так хороша и мила!

Горечь тоски моей ты бы утешить могла;

Сердце устало от думы, и скорбь тяжела.

Светлая, светлая вышла на небо луна...

Эта красавица так хороша и нежна!

Горечь печали могла бы утешить она;

Сердце устало, душа моя грусти полна.

Вышла луна, озарила кругом облака -

Так и краса моей милой сверкает, ярка.

Путы ослабь, что на сердце связала тоска,-

Сердце устало, печаль моя так велика!

Перевод: Штукин А.А.

** Песня лодочника из Юэ

Какой это вечер

что я плыву в лодке по реке?

Какой сегодня день

что я делю лодку с моим принцем?

Стыдно я за то, что взял тебя,

Я не боюсь позора доноса.

Моя тоска сильна и не отпускает,

с мыслями только для моего принца.

В горах есть деревья, ветки деревьев,

сердце мое говорило с господином моим, господин мой не понимает.

<https://www.youtube.com/watch?v=t1UZ4PzJbGQ>

Песня появляется в рассказе внутри рассказа в главе Shànshuō (山說) Сада историй. Министр государства Чу, увлеченный привлекательным дворянином, правителем Сянчэн, рассказывает ему об инциденте, в котором принц Цзыси (子思), правитель Э (邾), в 6 веке до н.э. курсируя на своей государственной барже, был заинтригован пением своего лодочника Юэ [a] и попросил переводчика, сделать ему перевод. Это была песня, восхваляющая сельскую жизнь, выражающая тайное удовольствие лодочника от знакомства с принцем:

Услышав это, князь обнял лодочника и накрыл его своим вышитым покрывалом.

Министр/рассказчик продолжает замечание: «Цзыси, герцог Э., был братом царя Чу по той же матери, его административное положение было положением премьер-министра, его пэрство было положением принца, но лодочник Юэ смог насладиться сношением с ним к своему удовлетворению». Таким образом, министр убедил лорда Сянчэна позволить ему держать его за руку, от чего он ранее отказался, заметив чувства министра.

Эта история стала символом однополый любви в имперском Китае. Например, он был включен в главу о любви между мужчинами в антологии Фэн Мэнлуна « Цин Ши » (清史, «История любви», ок. 1628-1630).

<http://bllate.org/book/15122/1336696>